
КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

П.С. Гуревич

DOI: 10.7256/2070-8955.2014.1.10769

ТРЕЗВОСТЬ МЫСЛИ, ИЛИ АПОЛОГИЯ ВОЙНЫ

Аннотация. За последние годы в мировой философской литературе появилось немало исследований, авторы которых убеждены в том, что война является неизбежным злом для человечества. Рассказывая о новых средствах истребления людей, некоторые исследователи даже сетуют на то, что государство не стремится к созданию новых вооружений. Властители полагают, что будущая война будет использовать традиционные, уже опробованные средства уничтожения противника. Эксперты убеждают глав государств, что это заблуждение, что надо как можно быстрее осваивать смертоносное оружие. Однако никто из авторов не ставит вопрос об устранении войн вообще. Они склонны считать, что войны вообще невозможно вычеркнуть из человеческой истории, они неустранимы, поскольку соответствуют человеческой природе, злонамеренной и жестокой сущности человека. Автор статьи размышляет о том, можно ли считать эту позицию трезвостью мысли или это заблуждение, связанное напрямую с апологией войны.

При изложении темы использованы исторический и феноменологический подходы. Взгляды на войну прослеживаются исторически: от мифов до современных научных и философских концепций.

Автор анализирует характеристики войны и показывает, что определение этого понятия требует корректировки. Сегодня войны ведут не только государства или классы. Конфликты обнаруживают себя в междоцивилизационном пространстве, между народами. Вместе с тем в войну рекрутированы социальные, конфессиональные и этнические группы. Серьезные противоречия возникают также и между развитыми странами и государствами, которые отстают в собственном развитии. Но главное, без чего невозможно определение войны, это указание, что социально-политические, экономические, духовно-идеологические и другие противоречия между государствами, народами, социальными, национальными, конфессиональными и другими группами разрешаются (или не разрешаются) с помощью вооруженного насилия.

В то же время автор стремится дать особый анализ феноменологии войны, доказывая возможность исключения войны вообще как способа решения различных конфликтов.

Ключевые слова: философия, психология, война, конфликты, человечество, традиции, ценности, цивилизация, вооружение, катастрофа.

Психологическое осмысление войны давно выявило два подхода к этому феномену — апологетический и пацифистский. Сюжеты войны и мира постоянно обсуждались и обсуждаются в психологической и философской литературе. Об этом свидетельствует множество трактатов, посвященных государству, войне и миру, форм разрешения конфликтов между государствами. Почти все крупные мыслители и писатели России обращались к этой теме как весьма актуальной и сложной. Можно назвать труды Н.А. Бердяева, Н.Я. Данилевского, И.А. Ильина, В.С. Соловьева, Л.Э. Тихомирова, Л.П. Карсавина, С.Н. Булгакова, Д.Э. Мережковского, В. Эрн и многих других. Осмысливая казалось бы неизбежный конфликт с

Европой, русские мыслители обращались к трудам немецкой философии и психологии. Внимание к этой проблеме обострилось в годы первой мировой войны.

Во второй половине минувшего столетия проблематика войны испытала настоящее возрождение. Такие авторы, как Э. Брайтман, М. Колкинс, У. Хоккинг, Р. Нибур, Р. Арон, Д. Бедерман, Д. Элтинг, Э. и Х. Тоффлер, Б. Лиддел-Гарт, Д. Фуллер, В. Галли, Д. Фюрс. Современный анализ феномена войны невозможен без привлечения обширного психологического инструментария. В той же мере здесь важны подходы философской антропологии и экзистенциализма. В.И. Даниленко определяет войну как вооруженную борьбу между государствами или

общественными классами за осуществление их экономических и политических целей, продолжение политики насильственными средствами¹.

В этом определении дана верная характеристика войны. Однако она требует корректировки. Сегодня войны ведут не только государства или классы. Конфликты обнаруживают себя в междоцивилизационном пространстве, между народами. Вместе с тем в войну рекрутированы социальные, конфессиональные и этнические группы. Серьезные противоречия возникают также и между развитыми странами и государствами, которые отстают в собственном развитии. Но главное, без чего невозможно определение войны, это указание, что социально-политические, экономические, духовно-идеологические и другие противоречия между государствами, народами, социальными, национальными, конфессиональными и другими группами разрешаются (или не разрешаются) с помощью вооруженного насилия.

Если адресоваться к истории культуры, трудно обратить внимание на прославление войны, которое прослеживается от мифов до современных научных и философских концепций. В мифологии война осмысливается как «поле битвы». Именно поэтому она героизируется. Люди по сути дела призваны совершить те же действия, которые когда-то осуществили боги. Поэтому, если возникает война, то она рассматривается не как историческое событие, а как напоминание о былых свершениях. Известный культуролог Мирчо Элиаде отмечал, что война носит ритуальный характер. Именно так она и трактуется в мифе. Она ценна лишь тем, что воспроизводит какой-либо эпизод из космической или священной драмы. Люди участвуют в этих событиях по внутреннему зову. Как же можно пренебречь историей, которая свидетельствует о силе, мужестве и героизме людей? Сражения, битвы, войны почти всегда объяснялись ритуальными причинами. Идет ли речь о вражде двух племенных кланов или о соперничестве богов (скажем, когда в Египте в сражениях участвовали две армии от имени Осириса или Сета), война толковалась как эпизод, связанный с божественной космогонией.

В античной мифологии война выступает как неизбежное повторение того, что повелели боги. Зевс осмысливается как гений военного искус-

ства, хранитель его и постоянный гарант того, что неизбежно случится. Если бы не было войны, Зевсу не удавалось бы устанавливать вновь и вновь свою власть, подтверждать собственное господство. Не будь войны, в мире воцарился бы хтонический хаос, но этого не может случиться, поскольку разумный миропорядок — основа мира, которая незыблема.

Уже в античной культуре проводится различие между войнами справедливыми и несправедливыми, созидательными и разрушительными, благотельными и злонамеренными. Афина олицетворяла войны разумные и благие, с помощью боевых действий преодолевались конфликты и учреждался мир, намного превосходящий довоенного. Арес, напротив, был богом слепого разрушения, причинения зла, которое не имеет никаких оснований и мотивов. Но эти два начала как раз и подтверждали целостность мира, незыблемость универсального разума.

Покоряясь мифу, античные мыслители тоже считали войну неизбежной. Гераклит и Эмпедокл считали, что нет другого средства, которое гармонизировало бы все обнаружения бытия, и выстраивала их в некую систему. Такое мировоззрение не позволяло считать войну случайным событием, трагическим или драматическим происшествием. Военные действия всегда несли в себе метафизический смысл. Платон и Аристотель восхваляли справедливые войны. Римляне называли войны, которые велись против внешнего врага, справедливыми. Войны же рабов за свою свободу, действия поработанных людей квалифицировались как несправедливые, незаконные. Античный человек воспринимал войну как откровение бытия, феномен, явленный вселенским законом.

Таким, образом, в древности война, как правило, толковалась не как бедствие, а как наиболее справедливый и законный способ разрешения конфликтов, как некий акт исторического правосудия, имеющий, прежде всего, нравственный смысл. Победитель в военном сражении, словно от имени небес, доказывал свою правоту, этическую непреложность. Только смерть и торжество триумфатора могли указать, кто же на самом деле заслуживал почестей господина, а кто обречен был быть рабом. Слава, обретенная в сражениях, не имеет сравнения с другими свершениями. Вот почему феноменология войны у Платона и Аристотеля выражает идею справедливости. Раз война вносит ясность в текущие разборки, значит она выявляет должное

¹ Даниленко В.И. Современный политический словарь. М., 2000. С. 149.

течение дальнейших событий. Не будь войны, мир увяз бы в трясине повседневности, не смог бы меняться. Война все расставляет на свои места.

Разумеется, все эти представления вели к апологии войны, к прославлению мужества и героизма. Аристотель полагал, что война невозможна без мобилизации духа, без искусности и изобретательности. Следовательно, ее можно трактовать как обнаружение искусства. Вместе с тем, допустим, Аристотель, последовательно обдумывая эти воззрения, писал о том, что война не является самоцелью, событием, которое совершается просто так, без дополнительных обоснований. Она, скорее всего, лишь средство для обретения последующего благого мира. Нельзя не учесть также, что оценка войны зависела от мощи государства. Могущество Римской империи породило иллюзию, будто все войны, которые она ведет, по определению справедливы. Они оправданы как оборонительные, превентивные, как выражение неизбежного взрыва неукротимого духа.

Полибий писал о том, что прежде чем начать войну, римляне тщательно отыскивали предлог, повод, моральные основания, которые не нуждаются в дополнительных уточнениях. Тит Ливий с воодушевлением отмечал, что за четыре столетия неутраченных войн Рим не проиграл ни одного противостояния. Разве это не указание небес, не выражение справедливости имперских притязаний, не торжество правоты и справедливости? Лозунг «Как сладостно пасть за отечество!» служил указанием на иерархию ценностных и практических установок.

Война в толковании философов — не только разрушение, но и в первую очередь несомненное благо. Гегель подчеркивает, что именно она обеспечивает могущество, славу, богатство и осеняет все это нравственным смыслом. Однако, по его же мнению, порой войны приобретали партикулярный, частный характер. Тогда утрачивался в ней и положительный, конструктивный смысл. Но эти суждения перекрывались соображениями о том, что большую угрозу для человечества может иметь идеал вечного мира. Тут уж возникает катастрофа статического или более того уже гибнущего мира.

Прославление войны продолжается и в средневековой культуре. Предположим, крестьянин в поте лица собрал урожай и приготовился сохранить его до следующей осени. Но тут появляется рыцарь, который забирает достояние крестьянина. И кто же тут герой? Ясное дело, не мученик

труда, а рыцарь. Он смел, отважен, готов к подвигам. Он стяжатель бранной славы. Й. Хейзинга отмечает, что и в Римской империи и в последующие времена победы, лавры, бранная слава — суть цели сами по себе.

Христианство также ищет доктринальное оправдание войны. Не будь этих сражений, верующим не был бы дан знак, не обнаружилось бы и сакральное назидание, не было бы поучения и божественного урока. Христианские добродетели не могут быть учреждены без борения. Не так-то просто претворить их в жизнь. Именно поэтому описание религиозного чувства в средневековье не обходится без военной лексики. Христианизация военной надобности, специфическая сакрализация войны начинается уже во времена императора Константина. Возрастает престиж воина, полководца, ратника. Один из первых отцов церкви Амвросий Медиоланский освящал войну, хотя и весьма осторожно осуждал убийство. Однако государство выполняет святую миссию, если спасает людей от нашествия варваров, от смуты, от внешней угрозы и внутренних распрей.

Даже внутреннее состояние человека в средневековой культуре толкуется в русле борений, столкновений, гигантского напряжения. Касаясь же социальной жизни, Августин Блаженный, к примеру, не видит оснований для иллюзии полного устранения войны. Мир достигается путем усилий. Война же есть защита Божьего Града от лжеверия и духовной пустоты. В ходе войны ничего не происходит по воле случая. Господь определяет не только осмысленность военных действий, но и их продолжительность. Герой, погибший на поле брани, получает небесную награду. И в то же время Августин уточняет свою мысль, подчеркивая, что в целом война есть и обнаружение греховности. Только служение благой цели может очистить предназначенность войны от греха и искушения.

Фома Аквинский не просто прославляет и оправдывает войну. Он уже задумывается над критериями, которые могли бы служить более взвешенной оценки войны, установления ее позитивных и негативных аспектов. Скажем, справедливая война невозможна без правомочной власти, справедливой цели и достойных намерений. В этом смысле война не разрушает священного чувства причастности к Богу. Так постепенно кристаллизуется идея «священной войны». Она рождается в условиях, когда христиане вынуждены отражать набеги врагов, охранять собственные земли. Поэтому

возникает мессианское оправдание войны. Оно оттачивается в рассуждениях Бернара Клервосского. В своем сочинении «Похвала новому рыцарству» он учреждает неотъемлемое право на войну. Война не только одухотворена справедливостью, в ней дышит уже, в толковании святого Бернара, оправдание кары, возмездия.

В Новое время в европейской культуре возникает вопрос: можно ли считать войну событием, которое согласуется с разумом, является вообще рациональным явлением. Исследователи натолкнулись на определенные трудности. Ведь если выстраивать жизнь по рационалистическим лекалам, то разумным феноменом войну назвать трудно. Прежде всего, ослабевает сакральная трактовка войны. Мыслители все чаще видят в сражениях не столько Божье наставление, сколько помыслы конкретных государей, решающих частные проблемы территориальных претензий или возможности обогащения за счет других народов. Теперь оставалось только уповать на здравый смысл правителя, если этот разумный подход вообще ему присущ. Так, осмысление войны стало еще более прагматичным. Н. Макиавелли пришел к убеждению, что любой властитель вправе решать, начинать ли войну или воздерживаться от военных сражений. Все чаще политики ищут оправдание войны не в логике исторического процесса, а в собственном произвольном помышлении.

Трактат Гуго Гроция «О праве войны и мира» направлен на искание тех оправданий, которые могли бы санкционировать войну. Вместе с тем обсуждение темы устремляется в русло правосознания. Названный мыслитель стремится найти повод для войны в правовом кодексе. Он хочет вывести некоторые универсальные законы, которые могли бы ориентировать народы и политиков, и взывает к правилу талиона. Сила может быть рациональным доводом в пользу развязывания войны, но феномен справедливости никто не отменял, — рассуждает Гуго Гроций.

В эпоху Просвещения война объявляется неразумным событием. Наряду с верой, любовью, фантазией данное явление рассматривается как внерассудочное. Делается попытка описать главные причины военного безрассудства: религиозные предрассудки, дикость, помутнение разума. Выстраивая логику всемирной истории, Кант отказался от концепции случайной войны. Судя по всему, считал он, война является законным обнаружением природы, которая призвана воспитывать

и преобразовывать человека. Вместе с тем кёнигсбергский затворник не мог не видеть, что войны, принося разорение, дают минимальный результат. Игра не стоит свеч. Поэтому Кант полагает, что настало время для устранения войны как явления, что возможно только, если правители найдут возможности разумного устроения земных дел.

Однако после Канта вновь началось прославление войны. Она осмысливалась как неизбежный конфликт между дикостью и культурой. Вынашивается идея о праве просвещенных народов нести разумные идеи в те ареалы, где пока не достигнут разумный порядок вещей. Фихте утверждает, что вытеснение варварства — мощный двигатель исторического процесса. В то же время немецкий философ вовсе не считает, что Европа достигла завершающей точки развития. Поэтому войны неизбежны и вовсе не отражают нынешний уровень цивилизованности. Но в перечне средств, которые способны переустроить мир, война может рассматриваться как едва ли не самый действенный фактор исторической динамики. Так, война получает окончательное историческое оправдание.

В XIX и XX вв. представление о неотвратимости войны укореняется в общественном сознании благодаря работам Ф. Ницше, а также трудам небиовиористов.

Американские социологи Элвин и Хейди Тоффлер в книге «Война и антивоина» рассуждают вовсе не об устранении войны. «Антивоина» — это вовсе не призыв к миру. Скорее, это название ответной акции, которая обрушивается на противника². Авторы отмечают, что война является неотъемлемым элементом всех цивилизаций, а частота войн — одна из отличительных черт каждой из них. Война была причиной гибели всех рухнувших цивилизаций и одновременно непрерывной и постоянной предпосылкой их глубокой взаимосвязи. Война — одновременно дочь, убийца и мать цивилизаций. Главная функция войны — разрушение. Если война не достигает своей цели, т.е. разгрома одной из конфликтующих сторон, то происходит обмен разрушениями, ускоренное потребление материальных и людских ресурсов с обеих сторон. Такая война завершается миром, основанным на взаимном компромиссе. Если же война заканчивается разгромом одного из противников и победитель не руководствуется соображениями гуманизма и «вы-

² Тоффлер Э., Тоффлер Х. Война и антивоина. М., 2005.

сокой политики» поддержки своего соперника, то побежденная цивилизация претерпевает глубокие преобразования своих внутренних демографических, политических, экономических, национальных и даже духовных структур.

Известный отечественный эксперт Акоп Назаретян также отмечает, что войны соответствуют

человеческой природе и как феномен трудноустрашимы. Они, по мысли этого исследователя, запрограммированы глубинными свойствами человека. Все это, разумеется, трезвые мысли. Однако действительно ли войны неизбежны? Можно ли примириться с идеей, которая по сути дела есть лишь апология войны?

Список литературы:

1. Гуревич П.С. Психология чрезвычайных ситуаций. М., 2007.
2. Даниленко В.И. Современный политический словарь. М., 2000.
3. Назаретян Акоп. Почему люди все время воюют? // Аргументы и факты. 2013. 4 декабря.
4. Природа против войны. Научные чтения, посвященные подготовке конференции. М., 1997.
5. Тоффлер Э. Третья волна. М., 1999.
6. Тоффлер Э. Шок будущего, М., 2004.
7. Тоффлер Э., Тоффлер Х. Война и антивоина. М., 2005.

References (transliteration):

1. Gurevich P.S. Psikhologiya chrezvychainykh situatsii. M., 2007.
2. Danilenko V.I. Sovremenniy politicheskii slovar'. M., 2000.
3. Nazaretyan Akop. Pochemu lyudi vse vremya voyuyut? // Argumenty i fakty. 2013. 4 dekabrya.
4. Priroda protiv voiny. Nauchnye chteniya, posvyashchennye podgotovke konferentsii. M., 1997.
5. Toffler E. Tret'ya volna. M., 1999.
6. Toffler E. Shok budushchego, M., 2004.
7. Toffler E., Toffler Kh. Voina i antivoina. M., 2005.

В журнале «Психология и психотехника» (2013, № 10 (61)) на стр. 973 была допущена опечатка в фамилии автора статьи: вместо «А.А. Машонина» следует читать «А.А. Машошина». Редакция журнала приносит свои извинения автору.